

Смех — одна из самых старых загадок природы человека. До недавних пор, когда студенты спрашивали меня, как эволюционная биология объясняет возникновение смеха, я лишь разводил руками. А тут одну за другой прочитал две книги, которые, как мне кажется, помогают убедительно ответить на вопрос, волновавший еще Аристотеля. Первая — книга С. Агранович и С. Березина с непривычным названием «*Homo amphibolos*»¹, то есть «Человек двусмысленный». Вторая — выложенная в Сети² книга А. Редозубова «Мозг напрокат. Как работает мышление и что есть душа». Первая обосновывает уникальность человеческого смеха, связывая его с самой сутью человеческой природы. Автор второй книги объясняет функции смеха (непонятые авторами первой), хотя, кажется, не осознает его эволюционное значение.

Что мы знаем о смехе? Лежащий в его основе рефлекс развивался эволюционно. Щечка пятки детенышам приматов, принадлежащих разным семействам, можно убедиться: чем ближе объект исследования стоит на эволюционной лестнице к нам самим, тем сильнее уход от раздражителя связывается с прерывистым дыханием и характерными звуками. Но смех вовсе не ограничивается уходом от щекотки. В его проявлении отчетливо видны следы вытесненной агрессивности. Смех заразителен; люди смеются в компаниях, зачастую показывая пальцами на то, что их смешит. Интеллектуалы могут смеяться над сложными смысловыми контрверсиями, а простецов смешат непотребности: падения, спотыкания, обнажения — случайности, выставяющие кого-то в глупом виде. Очень смешной кажется сфера половых отношений, половых и социальных ролей.

В развитой форме феномен смеха зарегистрирован только у нашего вида. Как перелетает из уст в уста удачная шутка! Сколь мудрым может быть шут! Как сокрушительно падение осмеянного диктатора! Как

признаков, передаваемых благодаря обучению у сородичей. А как регулировалось поведение наших дочеловеческих предков? Культура была и у них. В последние годы описаны группы шимпанзе, передающие из поколения в поколение опыт использования каменных орудий для разбивания орехов или изготовления копий для охоты на полуобезьян. Но все же у шимпанзе и поведение проще, и вклад биологических программ в его регуляцию больше, чем у нас.

А как происходил переход от состояния, подобного наблюдаемому у шимпанзе, к тому, что характерно для нашего вида? Врожденные механизмы, благодаря которым другие животные «знают», как «правильно» действовать, оказывались недостаточными или даже демонтировались в ходе биологической эволюции, чтобы расширить сферу культурного наследования. Как же передавались нормы поведения, принятые в той или иной группе?

А какие механизмы обеспечивают такую передачу сейчас? Вот вы, читатель, наверное, знаете, как должно вести себя правильному мужчине или правильной женщине.

то, остальные члены группы (в том числе те, кто усвоил мнение старших), выказывали им осуждение. Иногда оно выражалось в смешных глупостях-дразнилках-оскорблялках, а иногда в той или иной степени освобождалось от словесной оболочки. В чем оно тогда проявлялось? В смехе.

Даже у нас едва ли не главным каналом для получения информации о принятом способе действий остается третий, невербально-смеховой. Что уж говорить о наших предках, не имевших письменности и лишь постепенно осваивающих устную речь?

Именно смех обеспечивал передачу опыта о должном поведении в группе. Особь, которая действовала неверно, не обязательно было наказывать силой: ее можно было просто высмеять — всей группой, показывая пальцами на униженного неудачника. Та агрессия, которая была бы нужна для силового доведения «правил игры», в смехе трансформировалась, цементируя, а не разделяя группу. И что может сблизить людей сильнее, чем совместный смех, показывающий им, что они разделяют сходные ценности? Станов-

ДМИТРИЙ ШАБАНОВ

ДВЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ЗАЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ?

сближает, расслабляет и учит совместный смех... Так как же он возник?

Не буду в очередной раз³ обосновывать здесь взгляд на *Homo sapiens* как на первый вид животных, который стал использовать феномен культурного наследования (передачи поведенческих признаков путем обучения) в качестве главного способа адаптации к меняющимся условиям среды. Наше поведение в значительной степени контролируется культурой⁴ — совокупностью

Рассмотрим, какими путями вы получили это знание.

■ Кодифицированный канон. Вы прочли книгу «Что должен знать будущий джентльмен» («Что должна знать будущая леди») и следуйте ее советам.

■ Устное морализаторство. Какой-то знаток жизни объяснил вам: «Слушай, настоящие ... так не делают. Они должны...»

■ Невербальный опыт. Когда ваши сверстники — мальчишки-девочки, юноши-девушки — действовали не так, как приня-

ление нашей культуры тесно переплелось со способностью смеяться. И вот при каком-нибудь феодальном дворе шут, показывающий, как не надо делать, влияет на государственную политику, устраняя агрессию смехом⁵.

Смейтесь, друзья мои, смейтесь! Смейтесь над собой, над другими, над жизнью, над смертью, над ограниченностью нашей природы и над невозможностью преступить положенные нам пределы. Что может быть человечнее? ■

1 Агранович С. З., Березин С. В. *Homo amphibolos*: Археология сознания. — Самара: БАХРАХ-М, 2005. — 344 с.

2 aboutbrain.ru.

3 Например, здесь: «Две природы человека: откуда растут корни счастья?» («КТ» #748).

4 Здесь это слово используется в его эволюционно-биологическом смысле и означает всю совокупность того, чему учатся, — даже того, что кажется некультурным для обыденного сознания.

5 А интересно, М. М. Жванецкий сыграл какую-то роль в демонтаже «совка»?